

КУПЧИНО

РЖЕВКА

**НАШЕ
РАДИО**

18+

АЛЕКСАНДР «БАЛУ» БАЛУНОВ

КОРОЛЬ И ШУТ

МЕЖДУ КУПЧИНО И РЖЕВКОЙ...

ИЗДАНИЕ СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ ЛЕКСИКУ

Легенды русского рока

Александр Балунов

**Король и Шут. Между
Купчино и Ржевкой...**

«Издательство АСТ»

2016

УДК 784(470)
ББК 85.318

Балунов А. «.

Король и Шут. Между Купчино и Ржевкой... / А. «. Балунов —
«Издательство АСТ», 2016 — (Легенды русского рока)

ISBN 978-5-17-089136-8

Эта книга написана друзьями и для друзей доброй сказки под названием «Король и шут». Ее автор Александр «Балу» Балунов, один из основателей группы, с иронией рассказывает о своей жизни, о жизни группы, истории создания песен и различных веселых и волшебных приключениях, случившихся с ним и его друзьями. Отправившись в увлекательное путешествие с друзьями по мирам «Король и Шут» вы точно не будете скучать. Своими воспоминаниями в книге делятся: А. Князев, главный сказочник группы, А. Горшенев, брат Горшка, Т. И. Горшенева, М. Нефедова и многие другие. Где-то будет весело, где-то грустно, где-то безумство фантазии захлестнет вас, а где-то и просто будет интересно узнать удивительные факты из жизни группы из первых рук. А главное – автор обращается к тебе, дорогой читатель, к твоей фантазии, юмору и воображению, так что смелее в путь!

УДК 784(470)

ББК 85.318

ISBN 978-5-17-089136-8

© Балунов А. «., 2016
© Издательство АСТ, 2016

Содержание

1. Предисловие	5
2. Дело было на Ржевке	6
3. Начало, 1987	7
4. От писательства к музицированию	9
5. Знакомство с поэтом из Купчино, 1988-1989	15
6. «Ересь»: приготовления, 1990	19
7. «Ересь, или Памяти человека Га-Ноцри Иешуа»	20
8. «Ересь», процесс	24
9. «Старая Церковь», «Кладбище»	26
10. «О, как грустна вечерняя земля...», или Вторая «акустика»	27
11. Как должны звучать песни	31
12. Вася	32
13. Унисон или общая музыка	33
14. Походы на концерты	34
15. Первое «электричество»	36
16. Первый радиоэфир	39
17. Вторая «электрическая» сессия	40
18. Рябчик	43
19. От «Короля шутов» к «Королю и Шуту»	45
20. Эрмитаж	47
21. Как появляется песня	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Александр «Балу» Балунув Король и Шут. Между Купчино и Ржевкой...

1. Предисловие

Эта книга написана друзьями и для друзей доброй сказки под названием «Король и шут». Поэтому читать ее следует с открытым сердцем. Поскольку я – один из основателей группы, то попытаюсь максимально полно и правдиво рассказать о своей жизни, жизни группы, истории создания песен и различных веселых и волшебных приключениях, случившихся со мной и моими друзьями. Где-то будет весело, где-то грустно, где-то безумная волна фантазии поднимет нас вверх, и мы увидим, что реальность еще более удивительна, а где-то и просто будет интересно узнать удивительные факты из жизни группы из первых рук. А, главное, я обращаюсь к тебе, дорогой читатель, к твоей фантазии, юмору и воображению, так что смелее в Путь!

Особое и отдельное спасибо **Андрею Князеву** за помощь в создании книги и предоставленные фотографии и рисунки; **Леше Горшеневу** – за дружеское участие и ясность мышления; **Татьяне Ивановне Горшеневой** – за мудрость и, конечно, за сына; **Ольге Горшеневой** – за понимание, красоту и, несомненно, дочку; **Ирише Косиновской** – за открытое сердце и любовь; **Татьяне Валентиновне Балуновой** – за неиссякаемую душевную теплоту, любовь и многолетнюю поддержку; **Вахтангу Махарадзе** – за пылливый ум и ясную память; **Сергею Захарову** – за рокенрольный дух и прямоту; **Кате Марсовой** – за гениальную редактуру и волшебные свойства характера; **Наташеньке Чумаковой** – за терпение и проникновение в свойства стихий; фотографам: **Александр Настальской** – за четкие фотки и верность идеалам юности, **Екатерине Евсюковой** – за оптимизм, доброту и выдержку, **Михаилу Лапису** – за жизнерадостность, профессионализм и фото на обложке; всем людям и существам, причастным к книге; **Гоше Таирову** – за стремление познать всю глубину позитива, но без фанатизма; **Агате Нигровской** – за любовь к прекрасному, фото на обложке и советы; далее, **Борису Фомичеву** – за советы и всяческую дружескую поддержку, без которой никак; **Диане Арбениной** – за умные советы, глупые чувства и вечное стремление к неназываемому; **Асе Гайрабековой** – за понимание сути вещей, помощь, поддержку и любовь к прекрасному; **Ире, Игорю, Кате и Саше Меньшуткиным** – за моральную поддержку, советы и помощь в перемещении по времени; еще раз – моей маме, ибо без нее вообще бы ничего не было; еще раз – **Ирише Косиновской** — за титаническую помощь в работе над книгой, без нее я бы не написал эту книгу никогда; **Илье Черту** – за обузданные страсти, **Лешке Деги** – за помощь и непосредственность; **Раисе Ефимовой** – за дельные советы, поддержку в трудную минуту и терпение, терпение, терпение; **Людмиле Филимоновой** – за советы, воспоминания и милую улыбку; **Артему Сочейкину** – за коллажи на обложках, обработку фото, ясность ума, советы и воспоминания; всем фанам, кто помог с опросом про альбомы «Король и Шут»; **Юре Герасимову** – за нестигаемость характера, свободу от стереотипов, неизменно добрые советы; **Ольге Четвериковой** – за свежий взгляд и неоценимую помощь, дружескую поддержку и воспоминания; **Татьяне Михалиной** – за инфу о концертах и за дружбу; всем музыкантам – за понимание сути вещей; **Инне Демидовой** и **Насте Рогожниковой** – за сыновей; **Кириллу** и **Василию Балуновым** – за то, что приносят радость в мою жизнь; **Мише Успенскому** – за то, что показал, что жизнь – слишком серьезная штука, чтобы делать ее с серьезным лицом; а, главное, всем вам, дорогие читатели, ибо все это для вас.

2. Дело было на Ржевке

*Хочешь, я тебе спою?
Хочешь, сказку расскажу?
Я давно тебя люблю.
Хочешь, я тебя убью?*

Балу

На самом деле, жизнь моя похожа на жизнь Гарри Поттера, мальчика из книжки. Меня всегда оберегала материнская любовь, и злу тяжело было пробиться к моему сердцу. Оглядываясь назад, то же самое могу сказать и о Горшке. У нас волшебные мамы.

Привет, дружище! Я расскажу в этой книге немного о себе, своей жизни и своих друзьях. Для удобства повествования всех персонажей я буду называть так, как они известны широкой публике. Например, Мишку Горшенева ни в школе, ни потом никто Горшком не называл. Он придумал называть себя Горшком значительно позже и представлялся так незнакомым людям, а друзья из школы называли его Гаврилой. Так я назвал его в честь одного доброго персонажа из книжки, название которой не помню. Поручика назвали так в честь поручика Ржевского из популярного анекдота, и в школе он на это обижался. Меня же сначала тоже не звали *Балу*. Это придумал Шумный, которого так и будем называть, хотя по-настоящему зовут его Дима Журавлев. На обложке первого «официального» альбома («Камнем по голове») он рядом с моим именем написал «Балу». До сих пор не знаю, почему. Зато в дальнейшем я понял, что в этом есть свои преимущества: если кто звал меня по имени, то это, значит, старый знакомый, а если кто звал меня Балу, то человек явно со мной не знаком, а просто прочитал имя на обложке.

Теперь-то меня все так называют, и я привык. Одним словом, оставим имена такими, к каким привыкло большинство.

3. Начало, 1987

А началось все с писем: «Дорогой мой, единственный, на одного тебя надежда и в тебе одном вижу я спасение! Только ты можешь спасти меня и наше королевство...»

Именно такими были первые слова книжки, которую я начал писать в шестом классе. Она рассказывала о том, как главный герой получал странные письма от неизвестной ему принцессы из сказочного королевства, потом случайно туда попал, и пошло-поехало. И все это в то время, когда каких-либо книг в жанре «фэнтези» и фантастики про параллельные миры в СССР почти не продавалось. Максимум, что можно было достать, – это Жюль Верн и Стругацкие. Впрочем, книга эта так и не была дописана, я даже до середины не добрался. Но это и неважно. Важно то, что, благодаря этой книжке, я в школе подружился с Горшком.

Для полноты картины расскажу о нашей школе и нашем классе. Школа наша была только что построена в совершенно новом районе на Ржевке. Часть домов в микрорайоне еще достраивалась, через дорогу все еще был лес с грибами, а в уже сданные дома въехали люди, и их дети пошли в школу. Случилось так, что в шестой класс в нашу школу поступило сразу человек 130. Что до фига. И нас, недолго думая, разделили на три шестых класса: в класс «А» собрали всех отличников, и его возглавила самая социально активная и благодушная классная руководительница; в класс «Б» ссыпали всех «хорошистов» (тех, кто учился на четверки и пятерки), и поставили над ними самую образованную классную даму; а в класс «В» отправились остальные. Всякие троечники, двоечники, хулиганы – 46 человек. Но на самом-то деле тут собрались самые нестандартные и нешаблонно мыслящие личности, которые не слишком вписывались в общую систему образования. Одним словом, там я встретил Горшка и Поручика.

Вы спросите меня, а причем тут книга? Сейчас доберемся и до нее. В новую школу я поступил с третьей четверти, т. е. с января. Пришел и стал искать свой класс. Расписания уроков я не знал, на дверях кабинетов табличек с названиями предметов не было. Одним словом, я понятия не имел, куда идти, и тупо обходил все три этажа школы, заглядывая во все классы подряд в надежде найти свой (что странно, потому как я не знал ни учеников, ни учителей, так что кого я пытался найти, неясно). И вот вижу я, что у одной двери стоит такой штрих в чистом школьном костюмчике, галстук и с причей, явно только что из парикмахерской. Стоит, мнется, боится зайти. Это был Поручик. Мы познакомились и зашли в класс вместе. Что и определило нашу дальнейшую судьбу. В общем, зашли мы вместе, и посадили нас тоже вместе, на «Камчатку».

Тут надо еще пояснить немного про алгебру и геометрию. Не знаю зачем, но в разных районах города программа изучения математики была составлена по-разному. Например, в Невском районе (где я жил до этого) в первом полугодии проходили многочлены и иже с ними, а во втором – функции и прочую такую хрень. А тут было все наоборот. Для меня лично это означало следующее: когда в новом классе спрашивали уже пройденный (ими) материал, я мгновенно получал пару. Потому что просто не понимал, чего от меня хотят, – в старой школе мы же этого не проходили. А когда они начинали изучать новый материал, я уже все знал, потому что этот новый (для них) материал я учил полгода в старой школе. Иными словами, я: а) самостоятельно изучил полугодовую программу по математике для шестого (сейчас это седьмой) класса, что было нелегко; б) во время изучения нового (для них) материала мог полгода пинать балду, потому что заранее его знал. С той математикой, которую пришлось изучать самостоятельно, помог мой только что полученный второй разряд по шахматам. А чтоб не сдохнуть от скуки за полгода, пока они учили то, что я и так знал, я начал писать книгу.

Возвращаясь к книгам. На переменах многие мои одноклассники стояли у окна коридора и читали. Тогда читать вообще было модно. А, может, просто делать больше было нечего: интернет и сотовая связь появились гораздо позже. И надо вам сказать, что у Горшка дома

была нехилая библиотека редких и интересных книг. Дело в том, что его папаня работал в КГБ (это мне по секрету сказал сам Горшок) и, то ли на работе по подписке, то ли еще каким мутным путем достал он где-то множество редких и прикольнойейших книг, да и оставил ими всю гостиную. Горшок притаскивал их в школу и читал на переменах. Естественно, я у него какую-то книжку взял почитать, а он, узнав, что я сам на уроках пишу, попросил у меня мою писанину. Позже он мне как-то сказал, что его поразил сам факт того, что можно не только читать книжки, но и самому их писать. А мое юношеское воображение Горшок поразил вот чем: когда я свою толстую тетрадку получил назад, обнаружилось, что Горшок дописал почти две главы (!). После этого мы какое-то время подолгу шлялись после школы и выдумывали продолжение. И пришли к выводу, что писать интересные книжки так же интересно, как и читать.

Мне нравилось писать. Это не было самоцелью, я не собирался никому ничего показывать, мне просто нравилось. А когда туда немного дописал Мишка, получилось что-то новое. Другой взгляд, чужая точка зрения, которую можно было критиковать, – но это было что-то новое и свежее!

Одним словом, мы решили продолжать. Хотя на деле мы чаще ничего не писали, а просто обсуждали, что там дальше в книжке может произойти. Это требовало меньших сил, а сюжет развивался значительно быстрее. К тому же так нас ничего не сдерживало. Раз оно не записано, значит, всегда можно переиграть. Да и чтоб записать что-либо, нужно время. А в том возрасте у меня была масса других интересных дел. Например, играть в пятнашки в недостроенных домах. И вообще.

4. От писательства к музицированию

Но пробил час, и в один прекрасный день (а день и правда был солнечным и светлым) после уроков встретились мы на футбольном поле с Горшком и Поручиком. И говорят они мне человеческим голосом: «А давай создадим вместе группу».

2320 год н.э.

„Земля“ на грани смерти. Технический прогресс сделал из неё планету отходов. Люди от чрезмерного потребления химических продуктов становились мутантами. Все производство остановилось, ничего не производилось кроме фильтров для воздуха. Вода была практически вся заражена, порога опустели – подземная стража открывала для себя новые просторы. Под казад мутанты находились отдельно друг от друга, между же они собирались в группы и вводили ужас еще „живым“ обитателям „мертвой“ планеты...

P.S. Торможение развития началось сотни лет назад, с каждым годом оно откладывалось на десятилетия!

Рисунок М. Горшенева

Рисунок М. Горшенева

Идея мне сразу понравилась, я согласился, и мы принялись рассуждать, что будем делать и кого в группу возьмем еще. Кстати, идея понравилась многим моим одноклассникам, но вступать в группу никто так и не захотел.

Вскоре нам стало понятно, что если группа у нас будет музыкальная, то нам не хватает инструментов и умения на них играть. Это нас не смутило, но несколько приостановило. И вот тут случилось одно из первых чудес, которые в истории нашей группы впоследствии происходили довольно часто.

Рисунок М. Горшенева

Горшок нашел в 40 минутах ходьбы от дома подростковый клуб. Этот клуб не относился к нашему району, но в нем была какая-никакая аппаратура, был музыкальный руководитель и нас (о, да!) пустили туда раз или два в неделю играть. Там были барабаны, электрогитара, бас и микрофоны! Первым делом муз руководитель, молодой такой и прикольный парень, спросил: «Кто умеет играть на гитаре?» Горшок поднял руку. И стал гитаристом (к нему домой уже четыре раза приходил учитель гитары). «А кто хочет научиться?» – спросил музрук. И я взял в руки бас-гитару. Так что Поручику остались барабаны.

Рисунок М. Горшенева

Рисунок М. Горшенева

Помню, как с самого начала учитель явил нам чудо (для нас на тот момент). Мы решили играть песню группы «Кино» «Группа крови». И вот учитель послушал песню и прямо с пленки – практически из воздуха – снял аккорды и показал, как ее играть. До этого мы слушали песни как единое полотно, а оказалось, что, если прислушаться, то можно расчленить любую песню на дорожки. И услышать отдельно гитару, бас и все остальное. И после этого на слух подобрать аккорды.

Таким макаром мы изучили и с успехом играли четыре вещи:

1. «Кино» – «Группа крови».
2. «Алиса» – «Красное на черном».
3. Твист.
4. Еще какая-то пьеска, не помню.

Мы собирались каждую неделю и производили на свет эти волшебные звуки. Сами. Это было фантастическое ощущение. Опять-таки никаких планов или желаний по поводу музыки у нас не было, нам просто было хорошо, когда мы играли.

А однажды весной приходит Горшок в гости и говорит: «А давай сыграем мою песню!» Как так? Покажи! Это была еще одна новая концепция. Оказалось, можно не только снимать чужие песни, но и придумывать свои! Это было потрясающе! Но меня смутило то, что в куплете четыре аккорда, «как у всех», и я уговорил Горшка все изменить. Правда, тогда совершенно менялись куплетная мелодия и размер стихов, но так было даже интереснее, тем более что из новой мелодии получился новый припев, и так далее. Со стихами получилось примерно то же самое, только наоборот. Поскольку на тот момент в нашей компании я был уже признанным авторитетом по стихам (мама всегда заботилась о моем литературном образовании), то и переделывать их пришлось мне. Под внимательным присмотром друга. Помню, как прямо в автобусе, по дороге на репетицию, я диктовал какие-то строчки, а Горшок записывал, а потом наоборот. И так как ехать было недолго, то к концу поездки у нас скопилось множество отдельных строчек, которые мы, придя на репетицию, попытались сложить в четверостишия. И, конечно, разобрать и спеть всю песню.

И мы сделали это и даже записали эту песню на магнитофон «Беларусь», который Горшок взял у младшего брата Леша (в будущем – нашего барабанщика). Таким образом, мы в первый раз услышали из магнитофона свою (!) песню. Мы целый день ходили по друзьям и включали ее. Вставляло не столько то, что песня, например, хорошая, а то, что она – наша! На память об эпохальном событии я оставил две наскальные записи в парадном у Анюты Сбруевой и Ксюши Пасмурновой с числом и подписью. Так мы теперь знаем, что это произошло второго марта. И мы стали считать этот день днем рождения нашей группы, которую решено было назвать «Контора». Хотя других песен у нас пока не было, да и название тоже было весьма условным. Настоящее название появилось, когда к нам присоединился Андрюха, но это уже совсем другая история...

Магнитофонная запись та через день была случайно стерта – что-то не заладилось в Лешкином магнитофоне. А еще через месяц клуб закрылся на ремонт и больше для нас не открылся.

Ту первую песню, а называлась она «Я иду к тебе домой», мы ни разу даже текст не дописали, но нас ужасно вштырила идея самим писать песни. Всегда хотелось двигаться вперед, к новым горизонтам, ради этого можно и оставить старые вещи недоделанными. Поэтому сейчас, спустя 25 лет, когда я решил воссоздать нашу первую песню, мне пришлось использовать воспоминание о моих ощущениях того времени. И получилось, по-моему, очень убедительно и правдоподобно. А тогда... Тогда мы начали сочинять собственные песни. И больше не прекращали.

5. Знакомство с поэтом из Купчино, 1988-1989

Когда подростковый клуб закрылся, мы как-то не особо расстроились. Это было место, где мы играли чужие песни, а дома мы могли сочинять свои. У нас было две акустические гитары и планы на создание такого, для чего и оркестра было бы мало. Причем музыкой наши планы не ограничивались. В идеале это должен быть целый театр, живущий собственной жизнью, – мы, дав ему жизнь, должны были просто наблюдать за процессом.

Но время шло, мы закончили восьмой класс, то есть получили неполное среднее образование. У нас с Горшком было общее дело, общий секрет и, хотя мы еще не знали, как с ним поступить, были полны энтузиазма.

Рисунок М. Горшенева

Рисунок М. Горшенева

На дворе стоял 1988 год, Горбачев все еще был генеральным секретарем Центрального Комитета Коммунистической Партии Советского Союза, и ничего интересного или перспективного в дальнейшей общественной жизни ни я, ни Горшок не видели. Всех окружающих нас людей – родителей, одноклассников – волновали такие вещи, как дальнейшая учеба, институт, хорошая работа. Всех, но не нас.

Я сказал маме, что хочу быть музыкантом, а все остальное интересует меня только как средство для достижения цели. Горшок придерживался того же мнения, поэтому мы всегда старались держаться вместе. После восьмого класса Поручик понемногу стал от нас отдаляться и, в конце концов, пошел по стопам отца-рабочего. А отец его был суров и не представлял будущее сына без приличной работы. Горшок каким-то образом поступил в нормальное художественное училище, где, по слухам, когда-то учился Цой. Там можно было пинать балду, но родители при этом считали, что ребенок при деле. И там Горшок, к счастью для нас всех, познакомился с Князем. Но об этом позже, хотя, пока не забыл, забегаю вперед, расскажу, как Горшок сдавал в училище выпускные экзамены. По причине его «примерного» поведения, «безупречной» посещаемости и «отличной» успеваемости преподаватели очень хотели от него избавиться. Поэтому на экзамене Горшку показали кисточку, шпатель и краски и спросили: «Что это?» Горшок на все три вопроса ответил правильно и получил аттестат.

Я же после восьмого класса поступать никуда не хотел и пошел по пути наименьшего сопротивления – остался в школе еще на два года – в девятом и одиннадцатом классах (десятого не было, потому что нас настигла очередная школьная реформа). Без приключений не обошлось. Дело в том, что из трех восьмых классов решили сформировать один девятый, а это значит, что от «лишних людей» нужно было избавиться. Составили специальную комиссию, и ребят либо отсеивали, либо брали с них обещание вести себя хорошо. Все, кто хотел в девятый класс, шли учиться с прицелом на институт, и им было не до глупостей. Из парней нашего класса выбраковали всех, кроме меня. Я просто отказался забирать документы, и, как

учителя ни старались, избавиться от меня им не удалось. Так я получил еще два года для занятий музыкой, хотя делал вид, что учусь в школе.

Наступил 1989 год, и его тоже можно считать годом образования группы, ибо Горшок познакомился с Князем и привел его в нашу компанию. Хотя тогда мы еще не догадывались, какое это эпохальное событие. Ведь в дальнейшем это знакомство переросло не только в творческое слияние, но и вылилось в то самое единство душ, которое встречается раз в сто лет.

Ну а пока мы сидели с гитарами, писали стихи, песни и небольшие рассказы. Ходили на все рок-концерты, на какие только могли пробраться. Шлялись по улицам в совершенно несусветной одежде и устраивали веселые и бессмысленные перформансы – лишь бы происходило что-то непохожее на все, что положено и как принято. Протест против всего и всех надежно укрепился в нашем сознании и поведении.

Рисунки М. Горшенева

Как-то, гуляя по центру города, мы обнаружили, что в помещении красного уголка Ленинградского рок-клуба находится Школа ритма Игоря Голубева. Игорь Голубев был потрясающим человеком со своим пониманием музыки и ритма и собственной уникальной мето-

дикой преподавания. Позже в России я никогда ничего подобного не видел. Именно там мы почерпнули идею, что рок-музыка – это, прежде всего, энергетика, а не просто музыка и текст.

Там же, в красном уголке рок-клуба, прошел наш самый первый (формально второй, первый был в подростковом клубе «Петроградец») концерт. Точнее это был этакий экзамен, где все группы показывали, чему научились. Мы сыграли «Я иду по улице» (моя), «Моросит осенний дождь, или Покойник» (Князя) и еще одну нашу совместную с Горшком песню на условно-английском. К концу выступления Горшок всех рассмешил. Из-за его экспрессии микрофон стал медленно съезжать вниз по стойке. И Горшку пришлось постепенно наклоняться за ним, так что конец песни он исполнял уже на корточках.

Так вот, возвращаясь к знакомству с Князем. Однажды Мишка рассказал, что в его училище есть прикольный пацан, пишет очень интересные вещи, которые мне обязательно нужно почитать. И дал толстую тетрадку с рисунками и стихами. Я помню, что мне понравились даже не сами стихи, а то, что в тетради были целые рассказы с картинками, из которых, так сказать, по мотивам, были выведены стихи. Причем, как мне кажется, никакой концепцией это не было, просто Князь лепил все подряд. И только потом, уже в результате знакомства с Горшком, идеи Князя приняли более четкие формы.

Впрочем, я снова забегаю вперед. А сейчас нужно рассказать о нашем первом альбоме «Ересь».

6. «Ересь»: приготовления, 1990

Идея записать альбом, наверное, родилась от желания создать что-то осязаемое, законченное. Просто играть песенки и сценки – это одно, а сделать законченный концептуальный альбом – это шишки совсем другой величины. Вечерами – редко у меня, чаще я приходил к Горшку – мы собирались и вновь открывали для себя чудеса музыки и стихоплетения. Мы же самоучки, так что каждая найденная гитарная гармония была откровением, а каждая улегшаяся в рифму строчка – чудом. Сначала один придумывает три аккорда, другой два из них убирает и ставит три своих. Потому что так лучше. Потом первый меняет их местами и так далее. То же и со стихами. Мы были очень критично к себе настроены и все время старались улучшить стихи и музыку – и свою, и тем более чужую. Собственно, так группа и зарождалась. Я напишу что-то и ползу к Горшку, чтоб он посмотрел-послушал, или он звонит, приползай, мол, ни фига у одного не выходит. Наверное, тогда мы и приучили себя, что свежий взгляд всегда полезен, да и чужое улучшать всегда приятно. Не то что свое придумывать. И, наоборот: придумал что-то – стих, музыку или просто сказку-рассказ, принес другу, а он улучшил. Иногда приходил Князь, и нас становилось трое, хотя ему из Купчина добираться не ближний свет. Но зато он рассказов и стихов приносил больше всех. Просто заваливал нас. Мы бесконечно сидели втроем, разбирали, что хорошо, что средне, что доделать, а на что надо придумать музыку прямо сейчас. Одну из тех песен мы записали и включили в альбом только в 2002 году. Надо сказать, Князь поразил меня, человека с «врожденной грамотностью», чудовищным количеством грубейших орфографических ошибок. К его чести, он был отважным парнем с собственными представлениями о жизни и совершенно не стремался того, что окончил школу с 12 двойками. Из 13 оценок. Впрочем, может и заливает.

Но такие мелочи, как школьные оценки, нас совершенно не волновали: мы творили и, если честно, не до конца понимали, что и как делаем и как оно все получается. Классическое музыкальное образование мы воображали себе пыткой гаммами. А тут спел с другом в два голоса – и они слились. Чудо. Гармония. Лучшая мотивация для творчества и желания идти вперед.

7. «Ересь, или Памяти человека Га-Ноцри Иешуа»

Долго ли, коротко ли, но, наконец, мы решили записать альбом. Как я уже говорил, до этого мы часто собирались вместе, чаще всего у Горшка, показывали друг другу свои новые песни, стихи, музыку и рассказы. Компоновали и пытались сделать что-то стоящее. Так же часто играли в «Заколдованную страну», о которой надо сказать отдельно.

«Заколдованная страна» – это такая настольная игра, где ты путешествуешь по волшебным местам, встречая удивительных сказочных персонажей. Где происходят различные опасные и захватывающие дух приключения и совершенно неизвестно, что будет там, за поворотом. Потому что все зависит только от фантазии ведущего. И только ты сам, включив воображение, можешь последовать за ним в волшебную страну. Ты ведешь кровопролитные битвы и долгие путешествия, заключаешь союзы с другими игроками или выходишь в одиночку против всего мира. Сейчас ты бьешься с шестируким ракшасом, а через два хода торгуешься с мрачным подземным карликом, которого (о, да!), к сожалению, нельзя убить.

То несешься на лошади по заколдованному лесу, потому что его нужно пересечь за неделю, не дольше, а то уже сидишь в заколдованной башне и пытаешься разгадать загадки Кроуна, чтобы выбраться и продолжить игру.

Одним словом, играть можно дни напролет, а мы порой засиживались и на всю ночь. Это было удивительное время, мы как будто погружались куда-то, и выбраться уже не было никакой возможности.

Сама игра состоит из куска бумаги, который мы схематично разрисовывали всяческими дорожками для фишек – какие в голову взбредут. Сами фишки. Книжка с правилами в помощь ведущему и стопка карточек с различными монстрами и их характеристиками для битвы. Все остальное происходило в голове у ведущего. Он рассказывал, как и где мы идем, что видим, что за монстры на подходе или строения вдалеке. И все вместе решали, как быть, куда идти, как себя вести. Стоит ли пойти в город слева, попытать счастья с монстрами прямо (их агрессивность ведущий мог регулировать) или пошарить в развалинах замка справа. А можно и самому что-то придумать! Любой участник мог в любой момент свернуть с общего воображаемого пути и предложить свою собственную линию повествования или модель поведения. Бросали кубики и бились с монстрами. Помогали друг другу или подталкивали в пропасть (и такое бывало). Ведущим, как правило, выбирали меня. Больно хорошо и неожиданно у меня получалось выдумывать. Князь тоже был хорошим ведущим, но он ленился и всячески отлынивал. А Горшок больше любил играть.

Так что и я, и Горшок, и Князь – большие поклонники всевозможных компьютерных игр. Но, увы, столь же интересных так и не придумали – в них воображению места нет. Бывало, много позже Горшок рассказывает с восторгом о новой компьютерной игрушке, да и добавит в конце: «Хотя, конечно, это не «Заколдованная страна».

Так вот, собрались мы как-то и составили список всех песен, что успели написать. Записи вел Горшок, и он же разнес песни в три столбика, в зависимости от музыкального стиля, в котором они были написаны, и стихотворной составляющей.

Рисунок М. Горшенева

Три столбика – это три альбома, которые мы должны были записать в дальнейшем. Ничто в то время (да и позже) не казалось нам невозможным. В итоге мы выбрали и столбике одиннадцать песнями (записали в итоге 12). Еще один столбик (альбом) был полностью электрическим, но электроинструментов и барабанов у нас не было. А в третий вошли песни, которые мы не могли записать из-за нехватки профессионализма. Договорились, что разберемся с ними позже. А пока решили записать самые новые, вот они:

▶ Ересь

СКАНИРУЙ И СЛУШАЙ

1. *Альфред Копысов*
2. *Весна*
3. *Моя смерть*
4. *Песня сумасшедшего*
5. *Уложенный*
6. *Все когда-нибудь умрем*
7. *ПТКП не СС. (Памяти тех, кто погиб не своей смертью)*
8. *Кости*
9. *Пьянка*
10. *Тревога и печаль*
11. *Девушка без ноги*
12. *PIG*

Музыка: Горшок (1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 11); Балу (10); Князь (12).
Стихи: Балу (3, 4, 6, 7, 8, 10); Горшок (1, 5, 11); Князь (2, 9, 12).
В записи участвовали:
Горшок — вокал (1—12), гитара акуст. (1—9, 11, 12);
Балу — эл. гитара (1—5, 7, 8, 9), пианино (3, 7, 10), подпевки (2, 4, 8), перкуссия (8), бубны (7,5), флейта (6, 7, 12);
Князь — гитара (12), подпевки (2, 3, 9, 10), вокал (12);
Вася — эл. гитара, подстукивание (4);
Поручик — стучание по канистре от пива (1, 6, 12).
Все сценки между песнями — Горшок, Балу, Князь, Вася.

Текст мелким шрифтом – это то, что я написал на кассете 25 лет назад. Мне тогда показалось, что так солиднее будет. На самом деле, и тогда, и еще долгие годы после мы совершенно не делили стихи и музыку на «мое» и «твое». У нас была общая идея, и она не только объединяла нас, она была выше и главнее любого из нас по отдельности. На тот момент нас было пятеро. Я думаю, что если б тогда случайно не подписал кассету, то сейчас бы и не вспомнил, кто что делал. Неважно, кто какой вклад внес в общее дело, важно, чтобы в итоге получилось нечто прекрасное и волшебное. Это все было «наше».

* * *

Немного о песнях, историях их создания, людях, их создавших, и волшебном процессе звукозаписи. Инструментов у нас не было. Перед записью я выпросил у мамы 100 рублей и купил у одноклассника электрогитару «Орфейс»¹ болгарского производства, а еще среднюю

¹ Вот небольшая ржачная ремарка, связанная с дальнейшей историей этой гитары. Немногим позже у Поручика случился очередной приступ деятельности. Он вдруг сообщил нам, что мы ничего не понимаем и звуку гитары плохой. И сейчас он, Поручик, отдаст гитару на реставрацию и тем самым докажет свое организаторское превосходство. Короче, забрал гитару. Первые две недели мы спокойно ждали. Еще две настойчиво интересовались, где гитара. Еще неделю Пор лил нам в уши, как он ездит в какую-то фирму «Аккорд» и требует ускорения процесса. Еще через неделю он в лицах рассказывал, какой скандал

блок-флейту. Играть на ней я не умел, но быстро учился, а других инструментов в продаже все равно не было. Гитару мы подключали поочередно то к телевизору, то к виниловому проигрывателю, в зависимости от требований к звуку для каждой конкретной песни. Также надо вам сказать, что моя мама работала музыкальным работником в детском саду и мама Горшка тоже работала музыкальным работником в детском саду, но в другом. Проведя рейд по местам работы наших мам, мы изъяли все предметы, похожие на музыкальные инструменты, как то: детские бубны, что-то похожее на маракасы и разное другое. Из бумаги и палок были изготовлены инструменты, изображающие шелест листвы и потусторонние звуки, Я принес из дома 12-струнную гитару, которую выпросил у брата-студента, и много пустых вымытых консервных банок – мало ли на что сгодятся. Ну, а пианино что у меня, что у Горшка в доме стояло всегда. Одним словом, подготовились идеально.

он устроил, потому что мастер все перепутал и вместо белого покрасил гитару в черный. Я человек доверчивый и всегда верил друзьям, а вот Горшка все это очень быстро забодало. Он пошел к Пору домой и нашел нашу гитару. Разобранную до винтика и покрашенную толстым слоем черной масляной краски. Восстановлению она не подлежала. Этот говнюк разобрал ее, покрасил, а собрать-то и не смог. Горшок принес мне (официально ведь гитара была моя) мешок с винтиками и детальками, злой как черт, и сказал: «Давай его выгоним. Знаешь, что он мне сказал? Что всегда будет нам врать, и мы его никогда не поймем». Горшка ужасно задело даже не то, что Поручик разломал инструмент, а именно то, что он попытался обосновать предательство нашей идеи. Но я не считал, что все так серьезно, и, в конце концов, помирил их. Мы ведь были друзьями.

8. «Ересь», процесс

Альбом мы записывали на кассетный магнитофон «Соната-216», который Князь приносил к Горшку. Его мы решили использовать из-за цифры «2» в названии, что, как известно, означает класс магнитофона (4-й – самый говенный, а 0-й – хороший). Также в дело пошел магнитофон «Квазар 303», который я недавно купил у Васи. Собственно, ничего другого у нас не было, и достать было негде. В процессе записи я сделал открытие, что, если на моем магнитофоне нажать кнопку «Воспр.» чрезмерно сильно и утопить в корпусе, зафиксировав отверткой, то пленка будет крутиться быстрее и записанные голоса будут смешными и мультяшными. Этим мы воспользовались в первой песне, а потом и в сценках, которые записывали между песнями. Все сценки – это чистая импровизация, и записаны они были с одного дубля. Импровизированными также были и все партии на пианино. Никто из нас играть на нем не умел, а, стало быть, нечего было и репетировать. Тем не менее долгая жизнь рядом с инструментом научила меня, что сочетание некоторых клавиш звучит очень прикольно, а некоторых – так и вовсе красиво.

К записи песен мы отнеслись очень серьезно и записывали каждую по несколько раз, пока не добивались нужного результата. Тусовались мы тогда очень разношерстной компанией, но к записи были допущены только следующие люди:

Вася – наш друг, одноклассник и боевой товарищ. На запись всегда приходил вовремя, как на работу, и поэтому участвовал во всех сценках, а в «Песне сумасшедшего» даже сыграл на «Орфеусе» и постучал по пластиковой канистре. По-настоящему его звали Шурик Васильев. Не родственник. Но о нем чуть позже.

Поручик – приходил несколько раз и постучал по той же канистре в трех песнях. К записи юмористических сценок допущен не был.

Балу – то есть я. Все организовал, везде, где надо, играл, пел и настраивал уровень на магнитофоне. В нескольких песнях умудрился одновременно сыграть на пианино, гитаре и флейте, да еще на бубне постучать и спеть.

Князь – участвовал везде, где мог. В последний день записи Горшок говорит: «А вот у Андрюхи еще песня есть, ничего такая, только она на английском языке». Мы ее и записали со второго дубля. Таким образом, Князь заложил традицию делать все в последний момент, чем мы не без успеха пользовались в дальнейшем.

Горшок – пел, плясал и идеологически поддерживал.

Когда запись была окончена, встал вопрос о названии альбома. Решить было непросто: мы с Горшком долго обсуждали и спорили, недели две. Благо жили мы по соседству, встречались каждый день. Гуляли и рассуждали о Боге, о вере, о жизни. О том, что, возможно, для Бога наша жизнь – грязь, но нам без нее не в кайф. О непознанном и непознаваемом, и о том, как опасно их путать. О мистике и всякой непонятке. Есть ли она, и если есть, то что с ней делать. Можно ли представить себе непредставляемое (это Горшка интересовало, и тут мы не сошлись: я считал, что можно, а он, – что нет). Немного об инопланетянах (решено было на них наплевать и вообще всячески презирать такие мелкие вопросы). Ну, и о прочих вещах, о которых, наверное, говорят все мальчишки в 15–16 лет.

Рисунки М. Горшенева

В итоге решили назвать альбом «Ересь», а ниже приписать «памяти человека Га Ноцри Иешуа». Ересь – для крутизны, а остальное для того, чтобы подчеркнуть наше отношение к Христу, когда он был еще на земле.

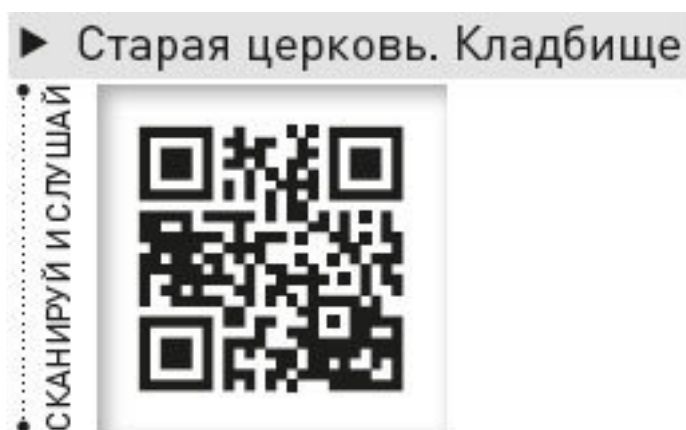
9. «Старая Церковь», «Кладбище»

Начало было положено. После «Ереси» мы стали сочинять песни еще активней. Андрюхиных стихов и музыки в нашем творчестве становилось все больше. Причем зачастую сначала был рассказ, комикс или просто картина, а уж потом из этого рождалась песня. Стихи или музыка. Или все сразу. Так появились «Старая церковь», «Кладбище», «Христос», «Дьявол», «Мертвец» – всех и не упомнишь.

10. «О, как грустна вечерняя земля...», или Вторая «акустика»

Время шло, нам безумно нравилось все, что мы делали, но, к нашему великому сожалению, это совершенно ни во что не выливалось. Даже по-человечески записать результаты нашего труда мы не могли – просто не знали, где и как. Не было связей, не было денег. Наш первый альбом «Ересь» мы откровенно переросли, да и записан он был на бытовой кассетный магнитофон второго класса. Нам казалось, что, вот если записаться на хороший магнитофон, то тогда да, тогда о-го-го.

Так что я принял единоличное решение, что нам нужна хорошая, качественная стереозапись. Чтоб людям показать не стыдно было. В феврале 1991 года я устроился на завод турбинных лопаток фрезеровщиком. Отец мой – фрезеровщик высшего разряда, так что кое-какие навыки по работе с металлом у меня имелись. Идти к шести утра на работу было не больно весело, но у меня была цель. За три месяца я сделал множество турбинных лопаток и заработал немного денег.

У нас с Горшком стихов стало меньше. Гораздо интереснее было улучшать и адаптировать князевские. Да и больно круто у него получалось.

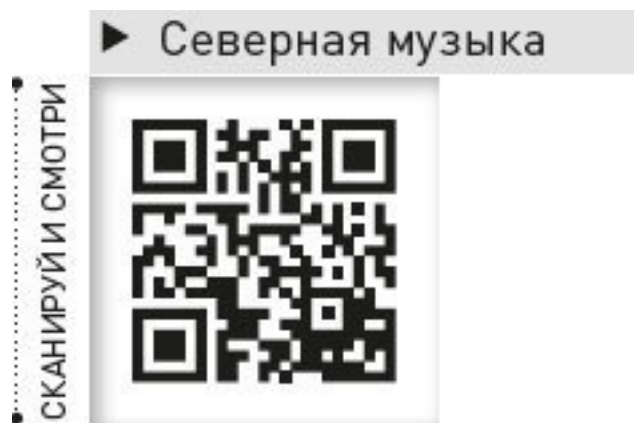
Зарплаты хватило на двухканальный бобинный магнитофон да на пару конденсаторных микрофонов. Это было уже что-то. Кстати сказать, всегда покупка нового магнитофона, комбика, гитары, любого инструмента или оборудования приводила к появлению новой песни или, по крайней мере, новой аранжировки. Мне так понравилось записывать себя на хороший магнитофон, что первым делом я придумал песню «Лунный пень» и сразу потащил ее Горшку. На бобинном магнитофоне. А он тяжеленный, 20 килограмм. Сделал запись – и несешь другу послушать! Позднее на музыку песни «Лунный пень» Князь написал стихи «Звонок из ада», и она превратилась в песню «Мертвая земля». А еще позже стихи снова поменяли, и появилась песня «Мотоцикл».

Благодаря тому магнитофону на свет появилась оригинальная запись, о которой хочется рассказать особо.

В эту сессию вошли четыре песни:

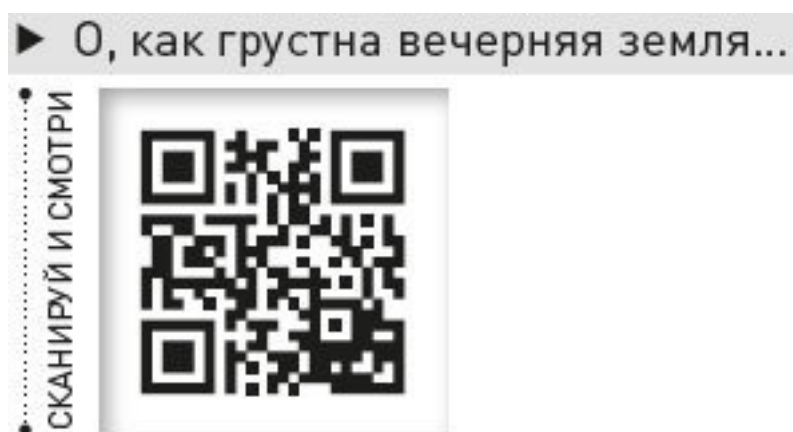
1. *Северная музыка*
2. *О, как грустна вечерняя земля...*
3. *Соловьи. Утро*
4. *Где по утрам восходит солнце*

1. Северная музыка

Однажды ночью, примерно в 4:15 (судя по записи в тетрадке со стихами), я проснулся и быстро нацарапал два четверостишия. А утром перечитал и дописал. К тому времени мы уже порядком прониклись стилистикой Князя, так что в последний куплет я добавил мрачных тонов. Музыка сочинил буквально за 10–15 минут и отправился к Горшку. Это у нас такая была игра: нужно каждый день приносить друг другу новые песни. Поэтому приходилось записывать на бумажки любые строки, пришедшие в голову. Немного переосмыслив песню, мы записали ее на бобинник. Все девушки, которым я ставил потом эту песню, обязательно спрашивали: «А стихи неужели ты написал? А музыку где взяли?» Мелодию в конце песни, кстати, придумал Горшок. Много позже мы сочиняли гитарное соло к песне «Халдей», и я предложил Горшку вставить туда цитатой кусок мелодии из «Северной музыки». Горшок с радостью согласился. Мы вообще любили такие шутки: цитировать песни, которые никто не знает, или просто шутить так, чтоб понятно было только нам самим.

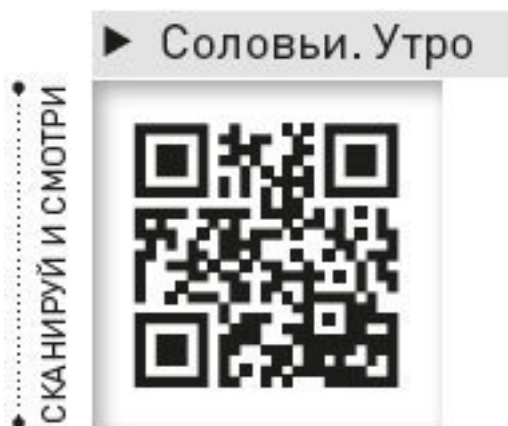
2. О, как грустна вечерняя земля...

Помню, как вчера, хоть и прошло 25 лет. Однажды ночью я читал книжку и пришел в такой восторг, что почувствовал необходимость выразить это стихами. Написал, набросал мелодию, а наутро пошел к Горшку. И мы начали копать и переписывать. Стихи переделали под нашу манеру исполнения, а музыку буквально по строчке писали, не заботясь о каких-то там четвертях. Горшок, например, говорит: «Давай из четырех тактов последние два уберем»,

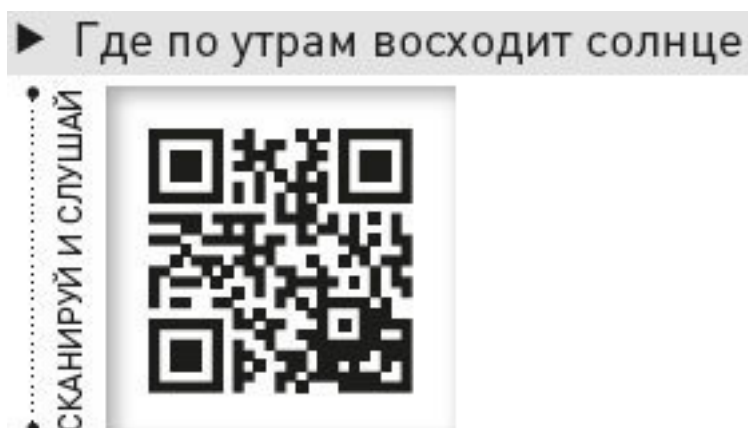
а я тогда: «Давай второй и четвертый местами поменяем и мелодию выведем наверх!» В итоге музыки получилось много, и мы решили записать ее всю в одну песню. Влезло не все, но зато я умудрился засунуть в середину проигрыш из Sex Pistols. Если кому интересно, что за книгу я читал, пусть загрузит слова «О, как грустна вечерняя земля».

3. Соловьи. Утро

Эту песню мы записали в тот же день. Незадолго до этого мы посмотрели фильм «Черная роза – эмблема печали, красная роза – эмблема любви». Там промелькнула мелодия из «Сильвы» Имре Кальмана, а надо вам сказать, мы с Горшком оба его большие поклонники. И мы сидели с гитарами и переосмысливали любимую сцену: «Помнишь ли ты, как мы... Помню ли я? Помнишь ли ты?..» Именно переосмысливали. Думая о ней, начинали играть и дальше развивали песню по-своему. У нас осталось много музыкальных тем, не вошедших в «О, как грустна...», и нашлись Андрюхины стихи – Горшок чуть ли не из-под матраса вытащил какие-то мятые бумажки с набросками, – и из них мы сварили текст. Если бы не это, могли бы не записать песню и забыть музыку. Смешно, не правда ли? Не время смешное, а скорее состояние. Состояние души. Кстати, уже после этой ужасной и нелепой трагедии Князь с Лешкой Горшениным записали песню «Боль». В ней явно прослеживается параллель с «Соловьями». Я в то время уехал в Лос-Анджелес реставрировать пленки и закончил уже после выхода «Боли», – то есть оригинальной записи «Соловьев» у «Князя» не было, и он эту мелодию вспомнил сам. А ведь сколько лет прошло.

4. Где по утрам восходит солнце

Я принес Горшку тетрадку со своими новыми стихами, и он сразу выбрал эти. И хотел наложить их на какую-то совсем уж заунывную тему, которую я сразу забраковал. Утверждена была не то третья, не то пятая мелодия. Я в сочинении музыки участия почти не принимал – только вторую гитару придумал и сыграл (до сих пор, кстати, нравится). Много позже Андрюха написал другие стихи, и получилась песня «Блуждают тени», где, кстати, я тоже придумал и сыграл соло. Какая все-таки странная и загадочная судьба у гитарной партии в этой песне!

Несмотря на приличное качество, эта запись не получила никакого распространения. У нас тупо не было чистых кассет. Друзья нас послушали, а как дальше поступать – непонятно. Концерт по-прежнему казался недостижимой мечтой. И мы, как обычно, бросив старый материал, приступили к новому. Душа просила электричества.

Кстати, в том, что эта запись осталась лежать на полке, есть один плюс. Пленка не осыпалась только потому, что ее более 20 лет не трогали и не перематывали. Она хранилась у меня, и позже ее помог переправить в Калифорнию мой друг Лешка Деги. Я нашел приличную студию в пригороде Лос-Анджелеса (Голливуд), и два мастера под моим чутким руководством сначала «пекли» ее, а потом восстанавливали звук. Это было долгое и непростое дело – попробуй-ка проиграть пленку, которая осыпается после каждой промотки. Помню, я писал мастерам: Try to express the spirit of St. Petersburg in summer. Вроде получилось.

Рисунок А. Князева

11. Как должны звучать песни

Летом Горшок съездил к бабушке в Бокситогорск, и она купила ему настоящую электрогитару «Урал». А я скопил денег и приобрел в комке на Апрашке бас-гитару – тоже «Урал» – и разукрасил ее разноцветными пятнами масляной краски. И мы смогли играть в «электричестве». В относительном, конечно.

«Электричество» зачастую заключалось в том, что мы включали гитару в магнитофон (нужно было нажать кнопку «Зап.», и тогда он работал как комбик), а бас-гитару – в виниловый проигрыватель. Но нас это не смущало. Мы знали, как должны звучать наши песни.

12. Вася

Тут надо рассказать о Васе, достойном члене нашей банды. Вася тоже был наш одноклассник, друг, одиночайтель и сосед. Он жил в моем доме, в соседней парадной, у меня была квартира № 75, а у него № 69. Он взял гитару у мужа сестры, и мы решили ее не возвращать. Таким образом, наше материальное благосостояние выросло еще на одну гитару, а Вася стал играть на басу. Никаких, насколько мне известно, физических свидетельств о его присутствии в группе нет, потому что концертов мы тогда не давали, а записываться было негде. Судьба сложилась так, что Вася скоропостижно женился, и его жена была активно против такого бесперспективного и безденежного занятия, как тусовки с нами, гопниками. А потом он вообще в армию ушел. Но это нам не мешало оставаться приятелями и поддерживать теплые дружеские отношения. Ведь мы слушали одну и ту же музыку.

Рисунок М. Горшенева

13. Унисон или общая музыка

Момент осознания себя человеком у меня наступил примерно в шестом-седьмом классе, то есть совпал с моментом начала нашего с Горшком совместного творчества. И, видимо, тогда возник и на годы сохранился юношеский максимализм в отношении к музыке и ее оценке: мы должны были иметь о музыке одинаковое мнение, а иначе никак. Например, принес однажды Горшок из училища кассетку с группой The Cure. «О! – говорит, – это крутая группа, мне ее продвинутый чувак Рябчик дал». Я послушал раз, другой, третий. «Не, – говорю, – маета какая-то, да и чел не своим голосом завывает». И Горшок мне три дня доказывал, что это на самом деле круто, а иначе он сам бы слушать не стал. Потому что как можно дружить с человеком, если он слушает неправильную музыку? Или в правильную не врубается, что еще хуже. Это было время, когда новую музыку взять было неоткуда, – не было магазинов таких, так что каждая новая кассета, попавшая в руки, была праздником. Помню, мы чуть не поссорились из-за группы Marillion, – ну никак не могли прийти к единодушному мнению. Понимаете? Мнение должно было быть именно единодушное! В общем, мы научились заранее понимать, что понравится другому, а что нет. Именно такое гиперкритичное отношение к музыке очень помогало в дальнейшем творчестве.

Кстати, еще смешной факт. По причине того, что у нас не было музыкального образования, а приемы игры и гармонии надо было как-то называть, мы выработали собственную терминологию, и так как понимали друг друга с полуслова, преспокойно ею пользовались.

У меня дома было много пластинок с классической музыкой, и мы иногда делали звуковые эксперименты. Заводили пластинку, брали две гитары и записывали все на кассетник. Одна такая запись на «Реквием» Моцарта была даже очень приличной и где-то, возможно, сохранилась. Мы вообще были большими фанатами Моцарта и Чайковского. Наверное, отсюда и излишняя требовательность к себе в плане красоты мелодии, особенно на ранней стадии развития нашей банды. Заметьте, говоря «излишняя требовательность», я не имею в виду, что ранние наши работы были достойны бессмертия, я лишь обращаю ваше внимание, что мы все-речь стремились к подобному идеалу.

14. Походы на концерты

Так сложилось, что основным заводилой посещений рок-концертов был я. Точнее, все с удовольствием ходили, но узнавал, где что происходит, и покупал билеты чаще всего именно я. И если в 1988-м на Шестой фестиваль Ленинградского рок-клуба нам с Поручиком удалось пролезть сквозь забор только на выступление одной группы «Нюанс», то в 1989-м все было по-другому. Летом я работал почтальоном, и у меня появились какие-то деньги. Поэтому, как только я узнал о таком важном событии, как Седьмой рок-фестиваль, я мгновенно полетел на Рубинштейна, 13 и купил два абонеента на все (на все!) концерты. По ощущениям – сюр какой-то. Начнем с того, что просыпался я в 5.30 утра и шел на почту работать. Потом тусовался с Горшком, и мы шли на концерт! В будние дни еще успевал перед концертом передохнуть, а в выходные были выступления утренние и вечерние. Такой был безумный нон-стоп. Когда я спал, – не знаю. Групп было много, и они слились в какое-то единое праздничное полотно. Смешно, но я до сих пор помню, с каким звуком какая группа играла. Обсуждая позже, мы с Горшком выделили особо потрясающее энергичное выступление «Нате!», довольно пресную на общем фоне «Алису» и совершенно феерично-безумное шоу «АукцЫона». Хотя, возможно, тогда он еще был «Аукционом». Даже не знаю, какие слова подобрать. Ну, играли ребята драйвово, ну, лазил Веселкин по портьерам, и все в таком духе. Но нельзя описать намек на чудо, которое мы почувствовали. Короче, пока не поздно, сходи, мил друг, на концерт сам, да и посмотри. «АукцЫон» – музыкальное явление мирового масштаба, качества и размаха.

Случилось в тот вечер и маленькое забавное приключение. «АукцЫон» закончил играть, как сейчас помню, в полвторого ночи и, естественно, метро было закрыто. А если кто не представляет, как устроен Петербург, то я поясню. Если с Рубинштейна выйти на Невский и повернуть направо, то как раз можно попасть к нам домой. Сначала, конечно, вы пойдете по Невскому до Восстания, потом Невский превратится в Староневский, после Лавры он станет Заневским и уже в конце будет называться проспектом Косыгина. Горшок жил по адресу «проспект Косыгина, дом 11, корпус 2», а я – «Индустриальный проспект, дом 14, корпус 2». Посмотрите на карту, эти дома стоят друг напротив друга. Так вот, шли мы, шли этой прямой дорогой и обсуждали и музыку, и человека: откуда он взялся, откуда у него берется самосознание и, вообще, что это такое. Такие у нас с ним тогда были темы для разговора. Естественно, на Староневском мы заблудились (хоть шли по прямой), и пришлось возвращаться на Восстания, чтобы понять, что шли мы правильно и другой дороги все равно нет. Одним словом, до дома мы добрались, когда стало светать и запели птицы. Около пяти. Глядь – нас прямо на перекрестке Косыгина и Передовиков поджидает Юрий Михайлович, отец Горшка, КГБшник. Горшок, зная, что папа его все равно не отпустит на такое мероприятие, поступил изящно и вообще докладываться не стал. Естественно, мы были разодеты в пух и прах, по самой последней неформальной моде. Не помню насчет Горшковского костюма, но у меня был пластмассовый октябрятский значок, из которого я вынул фото Ленина и вставил фото Кинчева. Одним словом, я получил взыскание, а грустного Горшка под конвоем повели домой, прервав таким образом нашу дискуссию на тему «Кто мы такие и куда идем». А я пошел на работу. Понедельник все-таки.

Той же зимой я затащил всех на Black Sabbath. Запомнились простенькие декорации, крутой звук, новые для нас мелодические ходы и то, что я купил билеты на всех, а никто, кроме Горшка, не пошел, и часть денег я потерял.

После этого концерта мы с Горшком впервые написали песню, состоящую более чем из двух мелодий. Обычно в песне две музыкальные темы – куплета и припева, а мы придумали, что можно между ними вставить еще одну. И будет необычно, сложно, красиво и интересно.

Эту мелодию Горшок назвал «подприпевник», и термин надолго закрепился в группе. Я же говорил, что нам нравилось не только придумывать новое, но и давать этому новому название. Кстати, примерно в это время мы решили без крайней нужды не вставлять соло после второго припева. Да я и до сих пор уверен, что соло после второго припева – попсня, и не надо его вставлять только потому, что все так делают. Если без соло песня проигрывает, то это другое дело. Аминь.

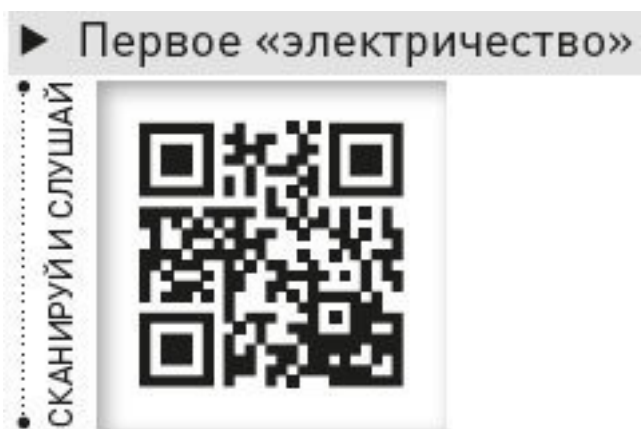
15. Первое «электричество»

Но вернемся к «электричеству». Мучительно хотелось записаться «по-настоящему» в «настоящей» студии. Мы нашли такую в Механическом институте, на Политехе. Она была не то четырех-, не то восьмиканальная и находилась, кажется, на надстроенном пятом этаже или на чердаке здания. Там мы и познакомились с замечательным парнем Мишей Кольчугиным, хозяином студии, все-таки четырехканальной, наверное. Институт был режимный, связанный как-то с военными секретами (не зря же «Военмех») и внизу на вахте сидела охрана. Охрана – старушка или старичок, тщательно проверявшие пропуска, которых у нас, конечно, не было. Хотя обычно пускали и так, но иногда становились в позу, тогда звонили Мише, и ему приходилось бежать пять этажей вниз на вахту и проводить нас под свою ответственность.

Мы по-прежнему играли на болгарских и советских гитарах. Много лет спустя, уже имея свою музыкальную школу в Калифорнии, я с обидой думал, что сейчас у любого ученика инструмент на два порядка лучше, чем был у нас. Как все-таки удобнее и быстрее учиться на хорошем инструменте! Ну, или на инструменте, который нормально строит хотя бы до пятого лада. Наличие плохого инструмента хотя и вырабатывает характер, закаляет его, но и портит, разумеется. В этом я убедился, когда ушел Гриша, и мне пришлось взять в руки бас-гитару. Но об этом позже.

Мы записали четыре полотна.

1. В долине болот

Песня, которая мне сразу понравилась и нравится до сих пор. Меня она покорила длинным инструментальным вступлением и длинным же инструментальным окончанием, при этом куплет там совсем короткий. Много позже Горшок мне признался, что содрал ее с Fascination Street группы The Cure. Должен сказать, что «содрал», – это не совсем верное слово. Только позаимствовал басовый ход. А все остальное... Короче, послушайте и сравните сами.

*В долине болот раздавались звуки,
мешавшие спать всей ближайшей округе.
Ну, и я
вышел на поля,
мрачные поля,
трясины.
Отныне меня ничего не колышет.*

*Мне хочется слышать,
как утопшие дышат,
как порой
ночью под луной
слышен голос твой...*

2. Мертвая земля

Моя первая совместная с Князем песня, из которой, как я писал выше, получился «Мотоцикл». Вообще-то довольно забавная судьба у этой мелодии. Я ее написал, когда мне было пятнадцать лет. И ценили мы ее только за то, что она была новая. Позже мы ее записали, наверное, просто потому, что ее было проще всего исполнять. Я вообще не считаю ее особенным шедевром. Но, несмотря на это (а даже может благодаря этому), она вошла в несколько наших «официальных» альбомов и почти во все концертные. Сколько раз, – можете посчитать сами.

А стихи эти Горшок частично использовал позже в песне «Звонок»:

*Страшные слова слышались во мгле.
Я спал. Кошмары снились мне.
Мертвая земля, кровавая заря,
А там гуляет смерть моя.*

*Вдруг прервал кошмарный сон
Зазвевший телефон.
Трубку снял: на связи ад,
Звонит ваш покойный брат.*

*Кто в такую пору шутит?
Разве можно так шутить?
Но из трубки, в самом деле,
Брат мой начал говорить.*

*Мертвая земля, кровавая заря
А там гуляет смерть моя.
В поле у ручья тусклая свеча
В дали вороны кричат*

*Вдруг прервал кошмарный сон
Зазвевший телефон
Трубку снял, на связи ад.
Звонит ваш покойный брат*

*Кто в такую пору шутит?
Разве можно так шутить?
Но из трубки, в самом деле,
Брат мой начал говорить.*

*В беспросветной мгле увидел на стене
Я свой дрожащий силуэт.*

*Мертвая земля, кровавая заря,
Смерть около меня.*

*Вдруг прервал кошмарный сон
Зазвеневший телефон.
А-а-а-а!!!!*

*Доброй ночи, брат любимый,
Спишь ли ты сейчас?
Без тебя мне так уныло.
Посети-ка нынче нас!*

*В поле у ручья тусклая свеча,
Утром встречу я тебя.
Мертвая земля, кровавая заря,
Я и рядом смерть моя.*

*И на этом связь прервалась
Лишь волнение осталось...*

*Доброй ночи, брат любимый,
Спишь ли ты сейчас?
Без тебя мне так уныло,
Посети-ка нынче нас!*

3. Ауфидерай

Очень показательная песня, характеризующая наш подход к музыке на тот момент. Хотя и потом мы тоже так поступали. Начать с того, что появилась она странным образом. Горшок нашел у меня дома Васину пустую канистру и стал по ней стучать. Стучал он долго и, в конце концов, говорит: «Смотри, какой я офигенный ритм придумал! Давай на гитаре играй». Ритм и правда был кайфовый, и я заиграл. Заиграл, естественно, в до диез, мы почти все песни тогда играли в до диез, и как-то сразу эти аккорды сложились. Но аккорды – это не песня! А вот когда Горшок запел мелодию, мы поняли, что песня на подходе. Смешнее всего то, что записывать ее мы решили, потому что Горшку очень понравилась вторая гитара, которую я придумал в третьем куплете. Мы так были довольны, что такой мелочью, как стихи, не озаботились. Ну, не приросли никакие почему-то. Мы в то время думали: «И так видно, какая замечательная музыка, а, значит, это песня, просто без стихов!» Позднее ребята эту музыку использовали. При желании легко можно найти, в какой песне.

4. История о Мертвой Женщине

Эпическое полотно, ни отнять, ни прибавить. Песня, впоследствии вошедшая в альбом «Истинный убийца», а позже во второй «официальный». Причем практически без изменений. Настоятельно рекомендую послушать именно эту версию. Она очень точно описывает и передает наше тогдашнее состояние. Именно этого забытого уже года.

16. Первый радиоэфир

Теперь у нас была первая электрическая запись, и это было круто. Конечно, видны были недочеты, но их мы расценивали как руководство к действию. Вот сейчас пишу и думаю: «Ну и что? Мы показали запись всего-то двадцати друзьям». Но тогда такие вещи нас не волновали. Мы записали крутые песни, и весь мир был у наших ног. Просто еще не знал об этом. Поручик вдруг решил стать директором-администратором и сказал, что будет нас продвигать. Мы ни о чем таком представления не имели и, конечно, ему поверили. Тем более, что он все свои деньги тратил на нормальную цивильную одежду и единственный из нас выглядел прилично. И Поручику действительно кое-что удалось. Он реально встретился с Джоржем Гуницким и отдал ему нашу запись.

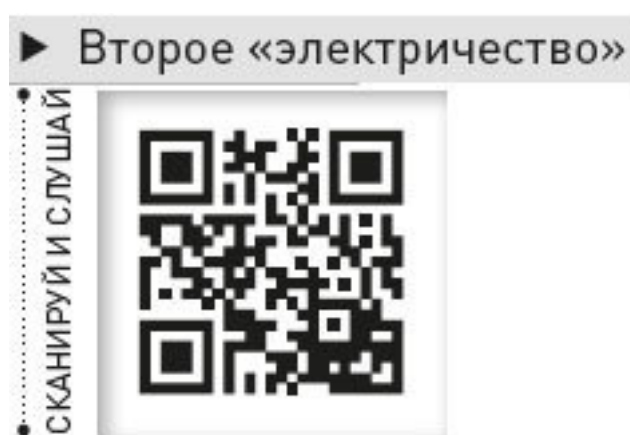
Джорж в то время по средам вел на радио передачу «Ленинградский рок-клуб представляет» и выбрал для эфира «В долине болот». «Рок-клуб представляет» была нашей любимой музыкальной передачей, она, во-первых, была про рок, а, во-вторых, никакой другой не было. Для тех, кто моложе меня, поясню. Передача шла по радио. Радио – это радиоточка на кухне. Музыкального радио на ФМ-частотах практически не существовало.

Наша песня прозвучала по радио! Это была фантастика. Сейчас расскажу, где я ее услышал. Когда нам с Горшком стукнуло по 18 лет, пришло время задумываться о службе в армии. В армию идти не хотелось – столько дел впереди. Решили не ходить, но Горшок после продолжительной беседы с папой сказал: «Нет. Придется идти». Ну, тогда и я решил пойти. Что, думаю, я тут без друга делать буду? А Горшка на медкомиссии развернули, сказали, что сколиоз. А я в армию пошел и после длительных приключений угодил в сумасшедший дом под Ломоносовым, где и пролежал ровно 70 дней. И вот представьте: две комнаты, 50 человек психов, радиоточка, и вдруг – херась! – без объявления войны (я, естественно, ничего не знал) играет наша песня. Меня аж сера с паркопаном попустила. Я, такой, говорю психам: «А это наша песня играет». А они... ну, короче, понятно.

17. Вторая «электрическая» сессия

Пока я полгода был в армии, ребята снова отправились на студию Мишки Кольчугина и записали еще пять полотен, о которых расскажу отдельно. Я смог подключиться уже только на стадии записи вокала и помогал в основном дурацкими советами, бэк-вокалом и на второй гитарке чуть подыграл. Так как я присоединился к процессу не с самого начала, то, придя на студию, был поражен, насколько качественно и ровно звучали барабаны. Видя мое изумление, Горшок с Князем сказали: «А мы решили использовать драм-машину, так лучше!» Одним словом, давайте послушаем вместе, а я расскажу.

1. Король и Шут (Заскучал король)

Из этой знаковой, если не сказать ключевой, вещи получилась сначала песня «Сапоги мертвеца». Мы оставили аккорды и немного переделали мелодию и стихи. И, чтобы отличные стихи не пропадали, написали к ним музыку, так появилась песня «Король и Шут». Еще нужно сказать, что неиспользованная мелодия куплета пригодилась в песне «Отражение», но это уже много позже.

*Заскучал король и затосковал.
Раньше весел был, нынче хмурым стал,
Во дворец тогда
Привели шута.*

*Горбатый карлик прыгал и кричал,
Весь дворец ужасно хохотал,
А урод смешить не прекращал,
Но король вдруг замерно упал.*

*Теплый яркий день обратился в ночь,
Вылезла луна, дьявольская дочь,
В ужасе народ
Стоял, разинув рот.*

А злодей над трупом танцевал,

*Но уже никто не хохотал,
С короля корону шут сорвал,
И во тьме со смехом он пропал.*

*Все, кто видел мерзкого шута,
Поутру свихнулись, сошли с ума.
Над могилой бедного короля
Хохотал народ: «ХА-ХА-ХА-ХА!»*

2. ОХОТНИК

Песня, которая практически без изменений дожила до наших дней. Разве что начало немножко подправили. Хотя, по мне, так в этой версии тоже прикольно получилось.

3. Лисен хэлс лайт

Одна из моих любимых песен. Ее придумали и записали без моего участия. Мне в ней очень нравилась мелодика и разноголосье. К сожалению, ни разу нигде не играли. Кстати, в архивах, которые мы с Князем сейчас собираем и выкладываем, она называется «Песня на английском». Вообще-то дело было так. Мы писали хор, и тут Мишка Кольчугин (или это был его друг Ромка?) говорит: «А что это у вас за текст такой?» А мы: да никакой не текст, мол, просто рыба «лисафизсайт». А он: «Тогда пойте лучше "Лисен хэлс лайт", хоть какой-то смысл будет».

А нам не жалко, так и спели.

4. Свечи гаснут

Шикарная романтическая и не очень характерная для нас вещь. Позже музыку использовали в песне «Мастер и слуга».

*Свечи гаснут, догорают.
Граф садится у окна,
Звезды шепчутся, мерцают.
Среди них блестит луна.*

*Но часы застыли над камином,
В полночь стрелки говорят,
Возле графа в зеркале старинном
Промелькнул злоеющий взгляд.*

*Граф трясущейся рукою приоткрыл окно,
На дворе пока спокойно, тихо и темно.
Замер на миг мрачный старик
Слушая звуки, неведомых звезд голоса.*

*Граф не спит, он в тяжком ожидании,
В беспомощности и забвении,*

*В глазах мучение и страданье.
Он глаз с луны не может отвести.*

И пятая песня, о существовании которой я забыл, но вспомнил вместе с Князем в главе, посвященной альбому «Герои и Злодеи». Названия у этой песни нет, но позже из нее получилось «Возвращение Колдуна».

Рок-клуб. Рисунок А. Князева

18. Рябчик

Обе «настоящие» электрические звукозаписывающие сессии по грустной, но неизбежной дорожке привели нас к мысли о расширении технического парка. А именно к тому, что гитары надо приличные покупать, а то на говне играть фигово. Надо вам сказать, что у меня с детства, ну то есть лет с 15, как только мы решили сделать свою группу, появился пунктик. Мол, все ресурсы надо тратить только на дело. И любую копейку, попавшую мне в руки, я тратил на микрофоны, проволочки – проводочки, пленки, усилитель (не пригодился), колонки, магнитофон для записи и прочее. Вот увидел блок-флейту – и купил сразу: вдруг пригодится (и ведь пригодилась же!). Наверное, это было под влиянием книги «Кайф» Владимира Рекшана, в ней он описал историю своей рок-группы, в частности то, как они делали постоянный апгрейд аппаратуры, тратя все деньги, и сделал вывод, что конца-края этому нет. И это правда. Оглянувшись назад, я могу четко сказать, что не будь книги Рекшана, то не возникло бы у меня такого пунктика, ничего б я не покупал, и не было бы у нас никаких ранних акустических записей. Спасибо тебе, Рекшан!

И вот тут «подогнал тему» Рябчик. Рябчик был птица – не птица, самолет – не самолет, а человек и песня. Во-первых, он был фанат The Cure и прочей приличной западной музыки, а, во-вторых, он учился в одной группе с Горшком и Князем в их реставрационном училище. Но самое главное в нем – это то, что он сразу проникся нашими идеями и сразу решил, что будет с нами. И это было правильно. На бас-гитаре у нас тогда играл Князь, а на гитаре я, то есть свободных мест как бы не было. Нас, впрочем, это не смутило, и мы, посоветовавшись, решили, что Рябчик будет полноправным членом группы – клавишником. Клавиш, правда, у нас не было, но, право, какие это мелочи! Мы собирались их надыбать и дать Рябчику, чтобы он учился играть. По-настоящему звали его Дима Рябченко.

А тем летом, как я уже сказал выше, Рябчик подогнал тему. Его родственницы (две тетки, по-моему) купили на Миллионной (если не ошибаюсь) квартиру на первом этаже. И хотели ее отделать под офис. А это бабки. И мы все вчетвером – Рябчик, Князь, Горшок и я – несколько месяцев там шуршали. Квартира была старая. И представьте: работаешь шпательем, отрываете старые обои, а там сначала Брежнев, под ним Хрущев, под Хрущевым Сталин. В общем, отдирали обои, шпаклевали, красили, пилили, строгали, выносили мусор. Под конец даже Поручик пришел и приколотил красивые реечки под орех по кантику, которые он сделал у себя на работе.

Было безумно весело. Во-первых, с друзьями работать всегда веселей; во-вторых, работать с такими, как мои, – вообще красота; в-третьих, начальства над нами не было, ликует птиц! Много было всего безумного, но особо запомнилось вот что: Горшок с Князем чуть ли не каждый день записывали на магнитофон различные сценки. На всякие темы, безумно смешные. Про знаменитого писателя Конского, например. Не знаю, сохранились ли эти записи у Князя, может, что-то и осталось. По бедности нашей кассет чистых было немного, и, когда заканчивалось место, новые произведения писали поверх старых. Такая вот история.

Заплатили нам хоть и меньше, чем мы рассчитывали, но все же 14 тысяч рублей. Или около того. На современные деньги даже не пытайтесь пересчитывать, довольно скоро с купюр исчезли нули. Музыкальных магазинов, где можно было бы купить инструменты, не существовало, но была комиссионка на проспекте Ленина, куда мы и поехали. В гитарах мы ничего не понимали и поэтому попросили помочь друга Мишки Кольчугина (по-моему, его звали Ромка, я уже и не помню, извини). Он нам и сосватал две гитары: чешскую «Диамант» (под «Лес Пол») и чешскую же «Д-басс». Радости нашей не было предела.

Правда, все это нужно было куда-то включать. Через несколько месяцев мне удалось устроиться на работу охранником в ларек, и я купил где-то в Купчино комбик со встроенным

флэнжером, который позже сыграл большую роль в нашей творческой жизни. Справедливости ради, замечу, что из четырех с половиной тысяч за комбик я отдал только три, а остальное беззастенчиво содрал с сокурсников. Ибо нефиг.

Мыкались мы с этим комбиком то у Горшка, то у Князя, то у меня, и всюду возили его на метро, что было прикольно, но тяжеловато. А он непростой, а у него целых два входа и встроенный флэнжер. Можно и гитару включить, и голос с обработкой звучит. Красота! Помню, сидели мы как-то у Князя, прикалывались с комбом и походя придумали песню «Король и Шут» – почти в том виде, в каком вы ее знаете.

19. От «Короля шутов» к «Королю и Шуту»

На тот момент группа называлась «Король шутов» и состав наш был таков: **Горшок** – вокал, **Князь** – вокал и бас, **Балу** – гитара, **Рябчик** – клавиши и **Леша Горшенев** – барабаны. Поручик служил в армии. Помните, в песне «Отец и маски» есть слова:

*«...Алеша теперь – кабан,
Ты, Дима, – вурдалак,
Саша, – ты, как ведьма, в своем рыжем платье!..»*

Это Андрюха так незаметно для всех вписал в песню Лешку Горшенева, Диму Рябченко и Сашу (то есть меня). На оригинальном листке со стихами, который Князь принес на репетицию, были красочно нарисованы наши рожи, превращающиеся в монстров. Это вроде как комикс был, где Горшок был за отца, мы втроем – за детей, а Князь – за продавца. И к рисункам стихи. Но что появилось раньше, стихи или рисунки, про то мне неизвестно. Тогда я не спросил, а сейчас не хочу, пусть останется интрига.

А теперь расскажу, как появилось название «Король и Шут». Этот день я отчетливо помню. Мы собрались у Князя в Купчино с конкретной целью – утвердить название. Или придумать новое. Поскольку кассету нас не было, в газетах о нас не писали и автографы мы давали нечасто, название «Король шутов» было только у нас в головах. Итак, мы решили, что название надо поменять. Причем у Андрюхи был железный аргумент, с которым не поспоришь. «Я, – говорит, – вчера пытался нарисовать «Короля шутов», ну типа эмблема такая. Фигня полная получилась». И показывает рисунок. Я его, как ни странно, до сих пор помню, но описывать не буду. Просто поверьте – реально фигня получилась. После этого жить с таким названием мы больше не могли. Стали перебирать варианты. У Князя была в комнате древняя печатная машинка, я с самого начала захватил ее и вел протокол нашего собрания. А печатал я не очень быстро, одним пальцем, после каждой буквы мучительно ища следующую. Поэтому я делал так: печатаю слово – люблюсь, поднимаю глаза (ведь беседа продолжается) и следующим записываю слово, произнесенное в тот момент. То есть не очень связно, но энергично и экспрессивно, а что еще надо? Варианты были и серьезные, и шуточные, и вообще всякие. Из того, что я помню: «Апокалипсис», «Конец света», «Зарезанный Одуванчик», «Мор пришел», «Присшествие в...», «Вий». Горшок очень хотел «Вий», но его смутило одно обстоятельство. Ему показалось, что если люди из зала будут кричать «Вий», «Вий», «Вий», то выйдет похоже на пороссячий визг. А я, помню, подумал: «Толпа людей в зале будет кричать название». В этом я не сомневался, но раньше об этом как-то не задумывался. В итоге остановились на названии «Король и Шут». Оно было достаточно безбашенное и перекликалось с прежним. Это сейчас все привыкли, а первое время нам было с ним очень непросто. Но об этом мне сказали позже, когда я пытался пристроить наши записи на радио. В любом случае дело было сделано. Я, наверно, и запомнил тот день во всех подробностях, потому что произошло что-то необычное, неудобное, волшебное.

В конце же своего замечательного документа я поставил число и заставил всех расписаться на листе. Типа официальная бумажка. И если Князь этот листок не потерял во время всех его переездов, разводов и прочих перемещений, то мы сможем узнать точную дату возникновения названия «Король и Шут».

Афиша «Король и Шут» в клубе ГаМГат

20. Эрмитаж

Время было поганое, и только маниакальная увлеченность музыкой спасала нас от того, чтоб не влезть в какую-нибудь дрянную или денежную тему. А тут еще случилось чудо, и мы смогли еще больше абстрагироваться от окружающего и полностью погрузиться в собственный мир.

Чудо было такое. Горшок, Князь и Рябчик после училища пошли работать реставраторами в Эрмитаж. И им удалось получить там помещение на Миллионной. Подточку. Если кто не в курсе, точка – это место, где можно репетировать. Обрисую ситуацию. Если стоять на Дворцовой площади лицом к Зимнему, то идите направо – вот вам и Миллионная, перейдите Зимнюю канавку – и вот вам дом 31. На его втором этаже нам дали квартиру. Дом был расселен, это был нежилой фонд. Но окна целы, отопление есть, газ есть, плита есть, туалет есть, холодная вода есть. Горячей нет, но где вы видели совершенство? Мебели тоже не было, но мы поползали по округе и нарыли себе какие-то старые кровати, столы, стулья и прочую рухлядь.

Квартира состояла из пяти вроде бы комнат. Огромная кухня с нереально древней огромной плитой, потом комната, где мы расставили мольберты (ведь официально это была художественная мастерская), спальня, музыкальная комната, ну и еще какие-то. Горшок переехал туда на постоянное место жительства, потому что дома он почти не жил и ночевал в основном у меня дома или у меня на работе (я по ночам сторожил ларек на Елизаровской). Домой он забегал только днем – чего-нибудь перехватить, пока отца нет. Я тоже перебрался на Миллионную и прожил там безвылазно больше года. Да и Князь с Рябчиком обустроили себе спальные места, хотя ночевали не всегда: иногда и мыться надо. А младший брат Горшка, Лешка-барабанщик, просто приходил к нам музыку играть, ибо был совсем молод.

Тогда же, кстати, я сумел, наверное, единственный раз за последующие 15 лет заставить Горшка пойти к зубному. Стоматологов он боялся патологически. Но зубы заболели так, что он просто на стенку лез. При этом уговорить его пойти к врачу было невозможно, дохлый номер. В итоге я нашел кооператив, где зубы лечили под общим наркозом и еле-еле туда его затащил. Когда я говорю «затащил», я говорю это буквально: тащил его за руку по улице, а в клинике так двумя руками и держал его, пока он не отрубился. Тут меня докторишки взяли под белые руки, и давай считать. Какие материалы ставить – наши или импортные? А сколько зубов делать? До сих пор горжусь, что не пожадничал и повелел делать все зубы и только импортными материалами. Как знал, что нескоро мы дойдем до врача в следующий раз. К счастью, за недолгое время работы охранником я скопил две месячные зарплаты – и с облегчением их потратил.

* * *

Мы не могли поверить своему счастью. Жили в Эрмитаже и практически все время занимались музыкой. Окружающая среда и прочий быт для нас не существовали. Немного мы обустроились, конечно. Рябчик врезал новый замок и припер откуда-то бухту провода, я сделал новую электропроводку и свет (из пивных банок получились прикольные светильники на стену), остальные тоже чего-то красили и приколачивали. Но больше всего времени мы отдавали «Королю и Шуту». Огромное спасибо Эрмитажу, замечательному художнику по имени Спартак и всем тем, кто нам помог.

Клуб ГаМГат, сентябрь 1995 года. Фото А. Настальская

Отдельная веселая история – про еду. Внутри самого Эрмитажа была (наверное, и сейчас есть) очень прогрессивная по тем временам столовая. Во-первых, ее построили финны, во-вторых, там было дешево и вкусно и, в-третьих, там в ходу были специальные магнитные карточки – наличными деньгами можно было не платить: сколько наел, в конце месяца вычитали из зарплаты). В обед мне, как единственному не работающему в Эрмитаже и не имеющему пропуска, нужно было обойти здание со стороны Невы и с деловой мордой пройти через служебный вход. Если не удавалось, приходилось пробираться по подвалам. Это было прикольно. Нужно было пройти по узкому проходу в запасниках, где навалены экспонаты. Идешь ты, идешь, как сквозь века: там картины всякие, мумии каких-то рамзесов и прочая культура. Вот когда пишут на выставке «Экспозиция подготовлена такими-то», это значит, что люди, может быть, несколько месяцев по таким подвалам ходили и выбирали, что б такое-этакое выставить.

Предвижу вопрос. Да. Спереть что-нибудь оттуда можно было проще простого. И никто бы не заметил. Там и в залах-то подворывали, не везде сигналка стояла. А уж запасники-то. Но нам такое даже в голову не приходило. Seriously. Как можно украсть что-то из Эрмитажа? Дикость какая. Ну, да ладно, о столовой, значит.

В столовой получалось поесть четыре раза в неделю. И, если повезет, набрать на вечер пирожков. Не было пирожков – ужин отменялся. Денег не было и не предвиделось, поэтому по вечерам и в выходные мы варили макароны. Обычные толстые отечественные макароны. С солью. Чтоб не скучно было есть, клали в тарелку пару зубчиков чеснока. Иногда было подсолнечное масло, если удавалось принести из дома. Больше не было ничего.

Вот сейчас написал и подумал: как объяснить, что все это было в порядке вещей – макароны бесконечные с чесноком? Но тогда мы ни о чем таком не задумывались. Во-первых, не жрать же мы поселились в Эрмитаже, а творить! А, во-вторых, всегда можно было, выбрав правильное время, пойти в гости. И спросить ненавязчиво, есть ли что поесть. Впрочем, и это все так, суэта. На тот момент мы жили, как птицы, не думая о хлебе насущном.

21. Как появляется песня

*Там на склоне улитка,
и Фудзи прилипла
к ногам ее.*

Балу

То были славные и, я бы сказал, немного волшебные времена. Мы не знали, что создателя миров нельзя торопить, нельзя говорить под руку, не знали, что хороший создатель доделывает все до конца. Ведь мы и были этим создателем. Точнее учились им быть.

Как, например, появляется песня? Рождалась хорошая мелодия. Точнее, рождается прекрасная мелодия (просто хорошие мелодии мы считали недостойными себя). И носишься ты с этой мелодией, потом она прирастает припевом, потом на нее падают стихи. Или наоборот. Появляются стихи, а они так воздействуют на тебя, что появляется музыка. Много, в общем, было вариантов. Появились песни. Это было мегакруто.

Мы играли их, и нас очень вставляло. И это, между прочим, были не просто песни, а те самые, которые через десять лет войдут в юбилейный сборник «Собрание». Мы даже прощали себе некоторую непрофессиональность в игре и не самый фирменный звук. Просто играли – куплет-припев, куплет-припев. И вот однажды Горшок говорит: «А давайте придумывать красивые концовки и вступления!» Мы ему: «А зачем? Ведь и так видно, что песни офигенные». А он: «Ну, давайте попробуем».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.